

Б.Ф. Мартынов

Фернанду Пессоа:
социально-поэтические
озарения

Москва
Издательский дом МГИМО
2026

УДК 821.134.3
ББК 83.3(4Пор)
М29

В оформлении обложки использована картина Микалоюса Чюрлёниса «Сказка королей». 1908–1909. Национальный художественный музей имени Микалоюса Чюрлёниса, Каунас (ССО)

Мартынов, Борис Федорович.

М29

Фернанду Пессоа: социально-поэтические озарения / Б.Ф. Мартынов. — Москва : Издательский дом МГИМО, 2026. — 259, [2] с., [6] л. цв. ил.

ISBN 978-5-9228-3128-4

DOI 10.63861/3128-4

Книга повествует о жизни и общественных взглядах великого португальского поэта и публициста Фернанду Ногейра Пессоа (1888–1935 гг.). На фоне своего окружения Пессоа выделялся особым аналитическим складом ума и, кроме недюжинного поэтического таланта, чрезвычайной оригинальностью, из-за которой получил от современников прозвище Инопланетянин. Застав Португалию на переломных моментах её истории — переход от монархии к республике, установление диктатуры Салазара, а мир — в промежутке между двумя мировыми войнами, Ф. Пессоа сделал ряд важных наблюдений о природе человека и окружающем его мире, некоторые из которых не потеряли актуальности в наши дни.

Для историков, философов, культурологов, а также для всех интересующихся историей идей, португальской культурой и наследием европейского модернизма.

УДК 821.134.3
ББК 83.3(4Пор)

ISBN 978-5-9228-3128-4

© Мартынов Б.Ф., 2026
© МГИМО МИД России, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лиссабон (Улиссипо)	9
Детство, отрочество, юность	18
Гетеронимы	41
Монархия	57
Метания	70
Война	97
Мысли	108
Салазар	135
«Морская ода»	160
Искусство «разузнавания»	169
Миф и реальность	183
«Послание»	202
Пятая Империя	215
Премудрый Змей	232
Summing up	248
<i>Даты жизни и творчества Фернанду Пессоа</i>	<i>253</i>
<i>Список литературы</i>	<i>259</i>
<i>Abstract</i>	<i>261</i>

В этом мире все мы плывём на борту одного и того же корабля, который вышел из неизвестного нам порта и конечный пункт следования которого нам неизвестен. Так давайте же относиться друг к другу по-доброму.

Фернанду Пессоа

ЛИССАБОН (УЛИССИПО)

Ранней весной, когда над полноводной Тежу рассеивается наконец предутренняя мгла, по реке, заглушая мощными гудками пенье птичьих стай, начинают курсировать маршрутные катера. Стоя по другую сторону реки и глядя на веера расходящихся от катеров волн, интересно наблюдать за тем, как на другом берегу медленно открывается панорама португальской столицы. Как неспешно, шаг за шагом, выплывают из утреннего марева её средневековые храмы и крепостные стены, современные кварталы и протянувшиеся над Тежу величественные мосты. Но сначала появляются очертания лиссабонского порта с нависшими над водой порталными кранами. Их размеры говорят о том, что это уже не совсем река, но, строго говоря, ещё и не море. Впечатление «не-реки» усиливается силуэтами круизных лайнеров, которые швартуются неподалёку. Многопалубную громаду лайнера легко спутать с новостройкой, которая — неизвестно откуда! — возникла вдруг рядом с барочными дворцами — «паласиуш» и монастырями Алфамы.

Лиссабон — это хаб для туристов, которые отправляются в круизы по Средиземноморью и Южной Европе и дальше через просторы Атлантики к островным Карибам. Туристов в португальской столице пруд пруди. Туризм — одна из основных статей дохода Португалии, страны, в отличие от соседней Испании, счастливо обойдённой революциями и войнами и сохранившей в целостности свои главные исторические достопримечательности.

Не смогла она уберечься лишь от капризов природы. Памятником разрушительного землетрясения 1755 года остаются живописные развалины монастыря Ду Карму в самом центре её столицы.

Эпоха Салазара по счастью слабо затронула архитектурную эндемику этого города. Она оставила потомкам монументальную статую Христа, свыше 110 метров. Спаситель широко раскинул свои руки над Тежу, как бы принимая в них весь Лиссабон, примерно так же, как по другую сторону океана, в Рио-де-Жанейро, это делает его бразильский архитектурный собрат.

У ног Христа над Тежу протянулся двух с половиной километровый мост, когда-то самый длинный в Европе. До 1974 года он носил имя диктатора Антониу Салазара, который единолично правил страной с 1928 по 1968 год. А после совершенной военной в апреле 1974 года «Революции гвоздик», он стал именоваться «Мост 25 апреля». Так что любителям исторической компаративистики здесь найдётся, о чём подумать.

Несмотря на колоссальную разницу в антуражах и стилистических подходах, сравнение Лиссабона с нашей столицей прямо-таки напрашивается. Дата его основания, совпавшая по времени с освобождением Португалии от мавров — 1147 год, перекликается с первым летописным упоминанием Москвы, а «колокольное семихолмие», воспетое Мариной Цветаевой, — с причудливым рельефом обеих столиц. Если Москву «ужать» до размеров Лиссабона, то семь её отлогих возвышенностей (холмов) запросто превратятся в крутые лиссабонские *sete colinas*. На семи холмах, как мы знаем, был основан и «Вечный город» — Рим.

Москву с португальской столицей сближает и главная городская доминанта — крепость св. Георгия («Сао Жоржи»). Как и Кремль, она расположена на холме. Святой Георгий Победоносец красуется на гербе Москвы, и уважение к нему одинаково присуще и москвичам, и лиссабонцам — «лижбоэтас». Между «лижбоэтас» и «портуэнсеш» — жителями Порту, существует такое же неформальное соперничество, как между москвичами

и петербуржцами. Оно заметно не только в футболе и гастрономических предпочтениях, но и в местных идиоматических выражениях. В Порту вас не поймут (или сделают вид, что не понимают), если вы «по-лиссабонски» попросите кружку пива — «империал» (“*o imperial*”). Это название пошло от существовавшей когда-то лиссабонской фирмы — поставщика дубовых бочек. Традиционный напиток Порту — портвейн, который «лижбэзас» принимают довольно неохотно. А пиво во втором крупнейшем городе страны пьют из *тонких* стаканов, от которых и пошло — «*фину*».

Но губит людей, как известно, не пиво, а вода. Хоть Москва и считается «портом пяти морей», но воды в Лиссабоне неизмеримо больше, и в этом он напоминает, скорее, Санкт-Петербург.

Когда самолёт выныривает из-за облаков, готовясь совершить посадку в лиссабонском аэропорту, море под его крылом резко сменяется плотной застройкой и кажется, что он вот-вот коснётся своими шасси крыш местных высоток. Но выигрывая во времени сегодня, турист теряет многое из того, что он мог получить вчера, когда добираться до Лиссабона приходилось пароходом.

«Тот, кто прибывает сюда морем, видит город уже издали. Взору путешественника постепенно открывается великолепная панорама разноцветных строений древнего города. В свете утреннего солнца на фоне ярко-голубого неба он предстаёт перед ним сказочной декорацией. Шпиль соборов и замков возносятся над домами и как герольды и возвещают путешественнику о прибытии в благословенное самим Богом место».

Это строки из путеводителя по португальской столице, который был издан на английском языке в далёком 1926 году. Знакомясь с ним накануне своей первой поездки туда, я не мог и подумать, что их автор вскоре приобретёт для меня особый интерес.

Организованные стайки туристов весело увлекают в свой водоворот отдельных неорганизованных прохожих. Среди этих последних оказался и Ваш покорный слуга. С тех пор я не устаю

задавать себе один и тот же вопрос: а не было ли моё неожиданное свидание с *Персоной из Параллельного мира* кем-то заранее спланировано? Случайно ли разноречивый поток восторженных восточных неофитов увлёк меня за собой в район Байши? Не те ли высшие смыслы, которые иногда самовольно вторгаются внашу жизнь, потащили меня потом *вверх*, на Байру Алту? Ведь вместо того, чтобы дополнительно нагружать свои и так натруженные ноги, я мог бы спокойно спуститься *вниз* и предаться блаженному отдыху в одном из милых ресторанчиков на Руа Аугуста!

Скорее всего, как я предполагаю, меня привлёк чудесный запах кофе, исходивший сверху от знаменитого кафе «А Бразилейра». Но ни кофе, ни неповторимый, в стиле Ар Нуво, интерьер кофейни, которая была открыта в 1905 году, ни разлитый внутри неё особый дух творческого созерцания, не смогли приковать к себе моё внимание так, как это сделал вальяжно усевшийся у входа бронзовый ПОЭТ. Добросовестно затёртый до желтизны на локтях и коленях любителями поэзии и просто энтузиастами, он выглядел там как почётный завсегдадай.

До той поры я не был особо знаком с творчеством Фернанду Ногейра Пессоа (1888–1935 гг.), хотя и слышал, что любители поэзии сравнивают его с признанным классиком португальской литературы, самим Камозншем (1524–1580 гг.). Устыдясь своей необразованности (а скорее руководствуясь неким шестым чувством), я решил срочно восполнить этот пробел. За тем и направился в ближайший книжный магазин, благо тот располагался прямо напротив.

Зайдя внутрь, я поразился обилию книг о Пессоа. Это затрудняло поиск чего-то определённого, и я уже собрался было отказаться от своего благого намерения. Ну мало ли кто пишет стихи? Помнится, я и сам баловался ими когда-то в юности. Если всем, кто их пишет, ставить памятники...

Но взяв с полки первую попавшуюся книгу, я понял, что Пессоа — это отнюдь не все. Книга оказалась сборником социально-политических и философских воззрений поэта. «Так он ещё

и философ!» — с оттенком иронии подумал я, открыв наугад первую попавшуюся страницу.

И был поражён.

«В основе всего лежит фатальный детерминизм. Судьба всякого общества предрешена заранее. Но, рассуждая практически, мы не должны примиряться с этим. Поскольку будущее нам неизвестно, мы должны верить в плодотворность наших усилий и торжество духа».

«Прикольно! — подумал я. — Так мог написать только гений!». И больше уже не сомневался в своём желании познакомиться с творчеством этого поэта поближе. Из предисловия к книге я узнал, во-первых, что за ним основательно закрепились прозвища — Сфинкс, Инопланетянин и Человек из Параллельного мира, во-вторых, что он «прожил сотню жизней», растворив себя в образах других людей — поэтов, простых обывателей и даже мыслителей прошлого, и, в-третьих, что поэт поставил эксперимент над своей жизнью, для того чтобы доказать самому себе её *реальность*.

Возвращаясь с Байши и кряхтя под тяжестью купленных книг (двухтомник стихотворений Пессоа, «Книга Непокоя» — сборник его философских воззрений и фундаментальное, семисотстраничное исследование, посвящённое жизни и творчеству), я думал о Судьбе, которая подарила мне дополнительный шанс. *Ведь любое открытие нового — это хорошая возможность пожить подольше и не покидать сей мир, чтобы исполнить её сокровенный замысел.*

* * *

Странное дело, но чем больше я погружался в творчество Пессоа, тем больше Лиссабон выходил у меня за рамки заданного глянцевыми путеводителями дозволенного. А началось всё с трамваев.

«Своими размышлениями я утешаюсь, коль скоро не могу утешаться своей жизнью. И символ сливается для меня с действительностью, когда, путник душой и телом, на этих

улочках, спускающихся к Тежу, я вижу, как сияют ясные городские высоты, точно чужая слава, от переменчивых лучей одного солнца, которое уже погасло на западе.

Внезапно живая сталь...

Каким человеческим был металлический звон трамваев! Какой весёлый пейзаж — простой дождь на улице, восставшей из пропасти!

О Лиссабон, моя родина!

Для того чтобы почувствовать всю радость и опасность скорости, не нужны ни быстрые автомобили, ни скорые поезда. Мне достаточно этого одного трамвая и поразительной способности к абстрагированию, которую я в себе развиваю...»

После этих строк Ф. Пессоа винтажные чудища — лиссабонские трамваи — перестали неуклюже смотреться на фоне стекла и бетона. Вместе с узкими улочками, маленькими уютными площадями и взгрустнувшими по старине чугунными балкончиками они перешли в психическую атаку на «город-город». А тот, выстроенный по ранжиру с глобально безликими собратьями, отступил ко второй линии окопов, довольствуясь простым функционалом.

Лиссабонские изразцы — *азулежуш*, наследие древней культуры арабов, неожиданно воспряли духом и перестали стесняться места и времени. Их сверкающий на солнце кобальт открыл порталы коммуникации с эпохой Магеллана и Васко да Гамы. А змеящиеся под ногами тротуары из чёрно-белой смальты увели меня куда-то совсем уже далеко, в эпоху седой античности. «Не наследие ли они тех самых камешков, которые устлали тротуары греческих полисов? Не хаживал ли по таким же легендарный Одиссей — Улисс?»

И, наконец, эта Тежу!

«Я полюбил реку из-за города, что раскинулся на её берегах. Всякий раз, глядя на неё с балкона четвёртого этажа я путешествовал по небу...»

Виноват в моих фантазиях был, конечно же, автор этих строк. Ведь он и сам всю жизнь прикидывался какой-то фантазией! А, может быть, он и *был* ею на самом деле?

Немногочисленные друзья поэта вспоминали, что Фернанду мог повернуть за угол и запросто раствориться в воздухе. Без остатка. Прощаясь с ним, они проверяли: не исчезнет ли вновь? Говорили, что когда поэт бывал особо задумчив, то, шествуя по тротуару в неизменной чёрной шляпе, чёрном костюме, с тросточкой и в круглых очках, он мог легонько отрываться от земли.

«Возможно, будущие научные исследования приведут к открытию, что всё существует как различные измерения одного и того же пространства, не являющегося поэтому ни материальным, ни духовным. В одном измерении мы живём в телесной оболочке, в другом — как души. И вполне может быть, что существуют ещё иные измерения, где мы живём как другие реальные составляющие нас самих. Мне иногда нравится добираться с помощью бесполезного размышления до тех границ, куда эти исследования могут завести...»

Поэт называл родной Лиссабон «деревней» (*aldeia*), радуясь его по-семейному тёплым видам. Но за свою относительно короткую жизнь к историческому и архитектурному очарованию португальской столицы сам он успел добавить ауру мифа и какой-то особой, чудесной недосказанности.

Мифы и реальность по жизни дополняют друг друга. Песоа сказал бы даже больше: *реальности не существует, если она хотя бы какой-то одной своей стороной не соприкасается с мифом*. Историки считают, что Лиссабон (на финикийском «Аллис Убо» — «благословенная бухта») был основан около 1200 г. до нашей эры представителями этого исчезнувшего ныне племени. Значит, он, оказывается, гораздо старше Рима и всего лишь на пару столетий младше Афин! Да, но если миф и реальность соединять таким образом, как это умел делать только Ф. Песоа, то их синтез может создать уже некую *новую*, непохожую ни на что реальность.

«Выдуманное название и настоящая мечта создают новую действительность. Объект и впрямь становится другим, потому что мы его превратили в другой. Мы сами изготавлием

действительность. Материя — прима остаётся прежней, но форма, которую ей придало искусство, существенно отдаляет её от её прежнего состояния. Сосновый стол — это сосновая древесина, но это также и стол. Мы садимся за стол, а не за древесину. Любовь есть проявление сексуального инстинкта, и пусть мы любим в результате сексуального инстинкта, но предполагаем иное чувство. И предположение это является уже в самом деле другим чувством...»

Пессоа был уверен в том, что его любимый город был основан гораздо раньше, чем это сделали финикийцы, и не кем-нибудь, а самим Одиссеем — Улиссом, который и назвал его в свою честь — *Улиссино*.

*Миф — реален.
Солнце — миф,
Древний сказочный мотив.
— Тело мёртвое?
— Живое?
Божество: оно какое?*

*Кто когда-то нас нашёл,
Земной плоти был лишён,
Нереальный, он пришёл
И собрал нас воедино.*

*Так легендою всегда
Восполняется реальность.
Сверху вниз течёт вода,
Ей омытая, тогда
Жизнь наследует сакральность.*

Ф. Пессоа. "Ulisses". Из сборника «Послание». 1934 г.

Это стихотворение заставило меня вспомнить картину «Падение Икара» кисти П. Брейгеля — старшего (1525? — 1569).

Чтобы найти на ней Икара, нужно сильно постараться, хоть он там есть. Кто «пришёл» у Пессоа — тоже предстоит угадывать. Чётче всего у обоих гениев обозначено лишь направление движения: сверху вниз, да, пожалуй, ещё Солнце. И в том, и в другом случае философии в обоих произведениях гораздо больше, чем чистого искусства. Некоторые исследователи творчества Брейгеля считают, что в «Падении Икара» великий голландец зашифровал тайные алхимические символы. Всё может быть.

Фернанду Пессоа тоже увлекался оккультными науками, конкретно — астрологией и алхимией. Что он хотел зашифровать в своём стихотворении, нам ещё предстоит узнать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лосев А.Ф. Из ранних произведений / А.Ф. Лосев. — Москва : Правда, 1990. С. 393–581.

Караганов С. Российская идея — мечта XXI века / С. Караганов, П. Милютин // Россия в глобальной политике. — 30.10.2025.

Мартынов Б.Ф. Фернанду Пессоа: Португалия в сердце / Б.Ф. Мартынов // Ибероамериканские тетради. — 2023. — № 3. — С. 32–53. — DOI: 10.46272/409-3416-2023-11-3-32-53.

Мартынов Б.Ф. Фернанду Пессоа: фрагменты общественно-политического наследия / Б.Ф. Мартынов // Ибероамериканские тетради. — 2025. — № 1. — С. 161–172. — DOI: 10.46272/2409-3416-2025-13-1.

Мессер Е. Всемирная мятежевойна / Е. Мессер. — Москва : Кучково поле, 2004. — 510 с.

Пессоа Ф. Книга Непокоя / Ф. Пессоа. — Москва : Изд-во Ад Маргинем, 2020. — 448 с.

Як Б. Национализм и моральная психология сообщества / Б. Як. — Москва : Изд-во Института Гайдара, 2017. — 518 с.

Antologia Poética. Fernando Pessoa, `Alvaro de Campos, Alberto Caeiro, Ricardo Reis. — Lisboa : Relógio d'Água, 2022. — 256 p.

Pessoa Fernando. Páginas de pensamento político (1910–1935) / Fernando Pessoa ; António Quadros (ed.). — Lisboa : Clássica Editora, 2024. — 655 p.

Pessoa Fernando. Livro de Desassossego / Fernando Pessoa. — Lisboa : Edições Perelló, 2024. — 540 p.

Pessoa Fernando. Mensagem / Fernando Pessoa. — Lisboa : Assírio&Alvim, 2012. — 116 p.

Mações Bruno. Construtores do mundo. A Tecnologia e a Nova geopolítica / Bruno Mações. — Lisboa : Temas&Debates, 2025. — 350 p.

Simões G.J. Vida e Obra de Fernando Pessoa / G.J. Simões. — Lisboa : Bertrand, 1971. — 700 p.

Zenith R. Pessoa. An Experimental Life / R. Zenith. — London : Penguin, 2021. — 1055 p.

Zenith R. Como viver (ou não) em 777 frases de Fernando Pessoa / R. Zenith. — Lisboa : Quetzal, 2025. — 175 p.

ABSTRACT

Fernando Pessoa: Social and Poetic Illuminations

Boris Fedorovich Martynov

This book deals with the life and social views of the great Portuguese poet and political writer Fernando Nogueira Pessoa (1888–1935). Besides his remarkable poetic capabilities, among his countrymen Pessoa has become famous because of his special way of thought and the unprecedented originality, deserving from them a characteristic nickname: “The Alien”. Living in Portugal during the crucial periods of its history — the transition from the monarchy to republic and the Salazar dictatorship, while the whole world living between the two World Wars, Pessoa made series of important observations on human and social nature, some of which seem to be quite actual today.

KEY WORDS:

Fernando Pessoa, nature of poetic inspiration, history of Portugal, crisis of the “humanities”, World wars, Salazar dictatorship, life after death

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Фернанду Пессоа, природа поэтического творчества, история Португалии, кризис общественных наук, мировые войны, диктатура Салазара, жизнь после смерти

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мартынов Борис Федорович

Фернанду Пессоа:
социально-поэтические озарения

Шеф-редактор *И.Ю. Окунев*
Заведующая редакцией *Л.С. Жирнова*
Корректура и компьютерная верстка *Ю.Г. Кучмаева*
Художественное оформление обложки *Ю.Г. Кучмаева*
Допечатная подготовка *А.О. Бирюков*

Подписано в печать 10.03.2026. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 15,2. Уч.-изд. л. 10,5. Гарнитура Ysabeau. Заказ № 3128

Издательский дом МГИМО
119454, Москва, пр. Вернадского, 76
mgimo.ru/id; id@inno.mgimo.ru

Отпечатано в производственном отделе
Издательского дома МГИМО
119454, Москва, пр. Вернадского, 76
mgimo.ru/id; print@inno.mgimo.ru